

— Милый, хватит уже беситься! — со смехом взмолилась Астория, когда он совершил очередную пробежку по диагонали комнаты из угла в угол и обратно.

— Я не бешусь, — огрызнулся он, кусая губы. — Я занимаюсь физической подготовкой.

— Да уж, на два марафона ты уже набегал, — согласилась она.

Пока он метался по комнате, она сидела в центре кровати, скрестив ноги по-турецки. В голову ему пришла мысль, и он остановился точно по центру.

— Слушай, я был... не слишком груб... когда вернулся? — осторожно спросил он, вспомнив, что как-то забыл спросить её мнения, когда весь вне себя от злости ворвался в дом, схватил Асторию в охапку, в спальне бросил её на кровать и буквально начал срывать одежду.

Она, правда, при этом хохотала, как сумасшедшая, но может это была истерика от шока?

— О, нет, ты не был слишком груб, — снова развеселилась она. — Ты себя повёл, как настоящее животное! Очень очаровательный зверь с бездной шарма.

Он сгорбился, присел, делая ноги колесом, пошевелил ноздрями и демонстративно почесал под мышкой.

— Вот-вот! — залилась смехом Астория. — Примерно такое животное! Свирепый самец вернулся домой!

— Я тебе сейчас покажу! — рыкнул он.

— Ой, а разве я ещё чего-то не видела? — игриво захлопала она ресничками.

— Животного, — пояснил он. — Ты ещё не видела настоящего животного!

С громким рыком он запрыгнул на постель, заваливая её и подминая под себя...

Где-то внизу в прихожей настойчиво звонил телефон.

— Милый, тебя ничто не беспокоит? — спросила Астория, распластавшаяся у него на животе.

— Нет, ничто, — вяло откликнулся он.

— Может, это что-то важное? — предположила она.

— А, к чёрту, — отмахнулся он. — Слишком хорошо.

— Я рада, но меня звонки раздражают, — призналась она. — Уже третий раз. Уж выключил бы ты его, если отвечать не собираешься

— Силенцио! — махнул он рукой в сторону двери. Астория хихикнула, целуя его торс. Телефон продолжал трезвонить. — Акцио, чёртов телефон! — пробормотал он, сдаваясь.

На совесть сделанный аппарат, отскакивая от деревянных панелей стен, влетел в спальню и приземлился ему в руку. Не думая, он нажал на кнопку соединения и поднёс к уху.

— Слушаю, — рявкнул он.

— Поттер, — слышалось из трубки.

Астория заинтересованна подняла голову, вслушиваясь. Он нажал ещё одну кнопку, чтобы звук раздавался на всю комнату.

— Панси, — откликнулся он.

— Ты не пришёл, — сообщила она.

— Я знаю, — согласился он.

— Я могу открыть дверь, — предложила она. — Если придёшь.

— Я сегодня ночью дома, — сказал он, нажал на “отбой” и с силой запустил телефоном в стоящую у окна оттоманку.

Аппарат отскочил от мягкой подушки и шмякнулся на шкуру на полу. Злость снова подступила, словно и не было бурных часов, проведённых в постели с Асторией. Сердце гулко заколотилось в груди, разгоняя по телу кипящую кровь.

— Круто ты, — тихо заметила Астория. — Всё, выместил?

— Что выместил? — не понял он.

— Злобу свою, — пояснила она. — Обидеть несчастную девушку большого ума не надо...

— Обидишь её, как же!.. — возмутился было он, но осёкся, наткнувшись на её строгий взгляд.

— Минут десять, — пробормотала она. — Или двенадцать...

Положила голову ему на грудь и прикрыла глаза.

— Она, конечно, глупо поступила, — сказала она. — Но когда она тебе это сказала, она ведь совсем так не думала.

— Есть вещи, которых не стоит говорить, — покачал он головой. — Как бы тебе ни хотелось выдать что-нибудь такое язвительное и едкое.

— Ей страшно, Гарри! — воскликнула она. — А что, если она пустит тебя к себе в сердце, а ты...

Это в точности повторяло его мысли.

— Но я же не... — обиженно возразил он.

— Но она-то этого не знает! — с жаром сказала Астория. — То есть знает, но поверить не может, особенно...

— Зачем ты её защищаешь? — спросил он. — Что тебе в этом?

— Что? — усмехнулась она. — Во-первых, осознание того, что мой избранник действительно честный и благородный рыцарь из сказки, а не среднестатистическая сволочь...

— Ну ты даёшь! — возмутился он.

— Что, не нравится? — кивнула она. — Тогда соответствуй! Во-вторых, ты не должен забывать, что Панси всё-таки — семья?..

— Из-за ребёнка? — не понял он.

— Из-за того, что мама формально мачеха дяди Дэйва, — покачала она головой. — И Панси формально моя сводная племянница...

— А ты, соответственно — её сводная тётушка, — хмыкнул он.

— Почаще об этом мне напоминай, если предпочитаешь спать один на кушетке, — посоветовала она. — Что там у нас? Ах, да, Дейв с Деметрой — совсем не формально мои крёстные. Панси — подруга детства и Дафны и всегда была ей, — и мне в какой-то степени, — почти как сестра. И в третьих, я тебе уже сказала, что я с тобой во всём, — продолжила она. — А ты мне сказал, что тебе нужна Панси...

— Больше нет, — вставил он. — Не нужна. Я передумал.

— Глупости, — сердито заявила она. — Я тебя отлично знаю, и сейчас вижу, что ты это сказал лишь из своего знаменитого ослиного упрямства...

— Эй-эй, — опешил он. — Полегче на поворотах.

— Скажешь, не так? — поинтересовалась она. — Так вот, если ты сказал, что она тебе нужна, то она будет с тобой... с нами... Я приложу все усилия к тому, чтобы она была с нами.

— Но... — возразил он.

— И точка, — отрезала она, вскочила, накинула халат и выбежала из спальни.

— Куд-да?! — только и успел он воскликнуть вслед.

Милая девочка показывает зубки! Острые зубки, надо заметить! И как это ей удаётся скрывать за почти кукольной внешностью и скромными манерами этого белокурого тирана? Босые ноги затопали вниз по лестнице, а потом ему послышался звук открываемой двери и её звонкий голос внизу. Ворча про себя, он тоже надел халат и пошёл вниз, уже заранее догадываясь, кого там принесла нелёгкая в первом часу ночи. Не один он, похоже, упрям, как осёл!

Предчувствия его, конечно, не обманули.

— Гарри, смотри, кто к нам пришёл! — радостно воскликнула Астория, когда он присоединился к ним в прихожей.

— Панси, — склонил он голову.

— Утром хотела передать... — ответила она, протягивая ему большой тубус. — Давно сделала...

— Что это? — перебил он.

— Открой, — посоветовала она.

Он всплеснул руками и снял крышку. Внутри было свёрнутое в рулон шёлковое полотно. Достал и расправил большую вышитую картину, одновременно цепенея от удивления, восторга, благодарности... Чувства захлёстывали его через край.

— Два года назад, — продолжала говорить Панси. — Вы недавно поженились... Я попросила... показать тебя...

Он прекрасно помнил, когда это было — в тёплый майский полдень они сидели с Дафной на берегу пруда, и она была столь прекрасна, что глаз было невозможно оторвать... Неужели у него действительно было такое влюблённое выражение лица? А Дафна... Она же просто сияет, словно маленькое солнышко, которое расцвело рядом с ним на скамейке.

— Я смотрела со стороны, — пояснила Панси. — Полгода вышивала. Теперь твоё.

Как?! Как можно так передать всю красоту, все эмоции с помощью простой шёлковой нитки? Как можно потратить полгода жизни на то, чтобы создать такое волшебство, навеки вплетая нитями в холст практически чужого человека? Он почувствовал, что в горле застрял ком.

— Спасибо, Панси, — хрипло поблагодарил он. — Спасибо огромное!

— Пожалуйста, — ответила она, и по её бесстрастному лицу пробежала тень улыбки, которую и увидеть-то можно было только под микроскопом.

Астория куда-то сбежала. Держа полотно в вытянутых вверх и в стороны руках, он направился в гостиную, чтобы примерить, куда лучше повесить. Как раз была свободна стена, на которой оказалось достаточно места, и он, аккуратно разложив картину на диване, за пять минут изготовил достаточного размера раму, а потом потратил ещё десять или пятнадцать на то, чтобы аккуратно закрепить на ней полотно и повесить. Получилось просто замечательно, хотя рама и не очень по стилю подходила к краскам и композиции картины — но вопрос с рамой можно было решить и позже, а сейчас ему просто хотелось поскорее усесться на диван, чтобы полюбоваться. Ах, да, совсем же забыл!

Панси так и стояла в прихожей, спокойно на него глядя. Он остановился напротив, посмотрел ей в глаза, улыбнулся и тоже замер, немного покачиваясь с пятки на носок и оглядываясь по сторонам. Молчание затянулось.

— Может, тебя проводить? — спросил он.

Ему было видно, как едва заметно дрогнули её губы.

— Так поздно? — удивилась она.

— Почему нет? — поднял он брови. — Мне не трудно.

— Спасибо, — прокомментировала она.

Они снова замолкли.

— Ты меня не пригласишь? — подала она голос через несколько минут.

— Нет, — покачал он головой.

— Хорошо, — предложила она. — Хочешь, я буду говорить длинными предложениями, как ты настаиваешь? Хочешь, я буду с тобой ходить в Косой переулок и улыбаться всем этим людям? Если так нужно, можешь даже платить за меня, только...

— Мне от тебя ничего не нужно, — покачал он головой. — Когда родится ребёнок, ты сможешь сама решить, нужен ли ему отец или имя отца. Если посчитаешь, что я должен быть в его жизни — я буду рядом настолько, насколько тебе покажется необходимым. Имя, любовь, забота — я всё это дам. Всё, чего ты ни попросишь. От тебя мне ничего...

— Как быстро... — заметила она. — И ты — как они. Оттолкнул.

— Да это не я тебя отталкиваю! — крикнул он, и она отшатнулась, втянув голову в плечи. — Это ты меня отталкиваешь! Совсем как эти люди, которых ты упомянула. Они прогнали тебя, а теперь ты прогнала меня!

— Но я же пришла, — тихо сказала она.

— А толку?! — воскликнул он. — Слова-то уже вылетели! Знаешь, почему так происходит? Потому, что тебе наплевать на чувства... Наплевать! Тогда, в Большом зале, ты наплевала в душу всем, кто не согласен был пожертвовать товарищем ради своей жизни! И ещё наплевала в лицо тем, кто думал об этом, но ужаснулся, услышав подобное вслух! И теперь ты снова сделала это! Что ты мне сказала сегодня, напомнить?

— Сказать такое было ошибкой, и в моих словах не было правды, — ответила она, расправив плечи.

— Чудесно! — всплеснул он руками. — Это ты так просишь прощения, что ли?

— А я должна? — спросила она.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — снова заорал он, схватил себя за волосы, побежал в гостиную, вернулся, сбегал ещё раз и опять вернулся.

— Я прошу тебя, — сказала она, когда он вновь перед ней остановился. — Я знаю, что со мной может быть нелегко... Пожалуйста!

Ему вдруг показалось, что она на грани отчаяния — как она ни старалась выглядеть флегматичной, но лицо всё равно выдавало её, мелкими штрихами и намёками отчаянно взывая к нему. Он шагнул вперёд и прижал её к себе.

— Прости, — сказал он, с наслаждением зарываясь лицом в её волосы. — Прости.

— Я не буду больше... говорить такое, — глухо пообещала она. — Ты прости.

— И не будешь меня больше прогонять? — спросил он. — И я буду приходить каждый день?

— Нет, — ответила она. — Я не готова. Слишком много.

— Ну, и чёрт с ним, — воскликнул он. — Я хочу тебя видеть каждый день!

— Прошу тебя, — прошептала она. — Потерпи! Со временем...

Он оторвал её от себя, заметив, что она уже успела сама плотно обвить его руками, и поглядел в глаза.

— Хорошо, я потерплю, но тогда и ты!.. — выпалил он. — Ты мне обещаешь всё, что перечислила — длинные предложения, Косой переулок и не возмущаться, когда мне захочется за тебя заплатить!

— Как пожелаешь, — не моргнув глазом, откликнулась она.

— Но это не всё, — продолжил он. — Ты будешь мне улыбаться!

— Улыбаться! — удивилась она.

— Да, улыбаться, — кивнул он. — Когда видишь меня, когда говоришь со мной, даже когда думаешь обо мне — ты будешь улыбаться!

— Как пожелаешь, — сказала она, в знак согласия опустив ресницы. — Но и ты...

— Я и так тебе всегда улыбаюсь, — перебил он.

— ...Перестанешь ночевать у меня под дверью, — закончила она.

— А что мне делать, если ты меня к себе не пускаешь? — возмутился он.

— Звони из дома, — предложила она. — Мне не очень удобно спать на полу, прислонившись к двери.

— Тебя никто не заставляет, — заметил он.

— Ты неправ, — просто ответила она. — Ты заставляешь.

— Ну ладно, договорились, — согласился он. — Но ты мне будешь улыбаться!

— Как пожелаешь, — сказала она, и губы её немного растянулись. — Так?

Даже с этим небольшим отклонением от обычного состояния её лицо изменилось, расцветая. Это было так мило, что он снова прижал её к себе. И как раз в этот момент наткнулся взглядом на Асторию, которая, как оказалось, вовсе никуда не сбежала, а осталась сидеть в тени на лестнице, где её так сразу было не разглядеть. Она ему улыбнулась и встала, на мгновение распахнув халат. Судорожно сглотнув, он вспомнил, что у него под халатом тоже ничего нет.

— Гарри, ты не забыл, что назначил Панси хозяйкой в доме? — спросила она. — По-моему, сейчас самое время устроить ей экскурсию по владениям, ты не находишь?

— Хозяйкой? — отстранилась Панси. — А ты?

— Я тоже, — весело кивнула Астория.

— Но как же... — несколько недоумённо спросила Панси. — Две хозяйки?

— Привыкай, — посоветовала ей Астория, развернулась и взлетела вверх по лестнице.

Панси перевела взгляд на него.

— Ты же знала, что я не откажусь от Астории, — напомнил он. — И в этом я с тобой полностью согласен.

— Наглец, — надменно заметила она.

— Да ладно, — махнул он рукой и потянул с её плеч пальто: — Как будто ты раньше не знала! Ну, пойдём, экскурсию устрою! Раз ты — хозяйка, то первым делом покажу тебе кухню и прачечную!

Она разулась и позволила ему увлечь себя за талию. На кухню он её, конечно, не повёл. Пройдя по гостиной в библиотеку, они добрались до банкетного зала, который немедленно привёл её в изумление.

— Это... твоё? — осторожно спросила она.

— Это мой дом, — улыбнулся он. — Изнутри он просторнее!

— Как Тардис? — спросила она.

Это было удивительно — оказывается, она смотрит маггловский телевизор! Он опять улыбнулся и прижал её к себе.

— Теперь второй этаж, — сказал он и повёл к лестнице.

Первой попалась как раз новая комната Астории, где она с книгой сидела в кресле, заложив ногу за ногу, и весьма легкомысленно демонстрировала бедро, с которого сполз халат.

— Панси, — радостно воскликнула она, поднимаясь. — Ну как тебе дом?

— Скромно, — ответила та. — Уютно.

— Ну, не буду мешать, — кивнула Астория и снова уселась.

Он потянул Панси дальше. Собственно, второй этаж в основном занимали спальни — гостевые и хозяйские. Она с видимым интересом в них заглядывала, заходила и осматривалась. Ему показалось, что она выбирает, где собирается заночевать. Дойдя до хозяйской, он распахнул перед ней двери, и она скользнула вовнутрь. Астория уже давно успела навести порядок и перестелить постель — иначе она бы его предупредила, что сюда не стоит соваться. Первый взгляд Панси бросила на пустые стены, явно примеряясь, что из её творений сюда бы подошло, подошла к занавешенному окну и сунула голову за гардину, пытаясь что-то разглядеть во тьме снаружи, присела и провела рукой по меху ковра, пощёлкала выключателями, оставляя гореть лишь пару светильников в изголовье, а потом подошла к кровати, откинула в сторону прозрачную занавесь будуара и попробовала матрас рукой, с силой надавив. Видимо, результат проверки её удовлетворил. Она взглянула на него, достала заколку в волосах, выдернула и встряхнула головой, позволив волосам упасть на плечи. Поставила на край колена, забралась и растянулась, изгибаясь.

Присоединяясь к ней, он подумал, что благодаря этой ссоре и внезапному примирению они в итоге договорились о совместном будущем — и слово “совместном” было, пожалуй, самым главным итогом. Сражения закончены, они будут вместе, и теперь лишь нужно дать ей время привыкнуть к тому, что он никуда не денется... Ему страстно захотелось сделать что-то необычное, что они ещё не пробовали — да и пробовали-то они не так уж и много...

Как результат его стараний — занемевший и потерявший чувствительность язык и чуть было не вывихнутая челюсть — по крайней мере, рот удалось захлопнуть не с первой попытки. Он приподнялся на руках, чтобы на неё поглядеть. Сердце её колотилось, как бешеное, и вдобавок её продолжало трясти, но уже не так сильно, как несколько минут назад, когда судороги сотрясали её всю. Лицо то ли было покрыто румянцем, то ли покраснело от... необычности процесса. Он подвигал в разные стороны челюстью, разминая. Она тоже приподняла голову,

бросила на него быстрый взгляд и снова откинулась, покраснев ещё сильнее. Чего он совсем не ожидал — улыбки на её лице. В этот раз улыбка не была осторожной или смущённой — её рот был самым счастливым образом растянут до ушей. Желая хоть как-то прикрыть, он потянул вниз завёрнутое до самых подмышек платье, но она мягко отцепила его руки и прижала свои к бокам, удерживая платье на месте. Ещё раз поцеловав круглый животик, он встал.

Иногда ему казалось трогательной смесь её робости и невинности с отсутствием стыда. Вот и сейчас она даже и не подумала прикрыться или перевернуться, вполне комфортно себя чувствуя в позе “морской звезды”. Лишь дрыгнула ножкой, на которой так и остались не до конца снятые им колготки и трусики, намекая, что самой ей сейчас совсем не до того, и не соблаговолит ли добрый джентльмен помочь с этим небольшим неудобством? Конечно, соблаговолит! Он снял мешавшие детали одежды и сложил рядом на стул. Протянув руку, она сжала его ладонь и отвернулась в сторону окна, и он пожалел, что так ему уже не видна её улыбка.

Ещё нужно обязательно было умыться и хорошенько почистить зубы, прежде чем идти к Астории, которая — он был в этом уверен на все сто процентов — не спит и ждёт, вслушиваясь в происходящее. Потом, правда, пришлось искать, в которой из гостевых спален она решила устроиться. Оказалось, что в соседней же. Лишь свет выключила. Ещё оказалось, что ни одна из дверей не была прикрыта, и ей прекрасно было бы слышно... если бы не обычная сдержанность Панси. Она и вправду его ждала — при его появлении откинула одеяло и сразу навалилась на него сверху, как только он коснулся подушки.

— Что так долго? — недовольно спросила Астория. — Чем вы там больше часа занимались?

— Хм, — удивился он. — Тебе в подробностях или в общем?

— Да это я так спросила, — помотала она головой. — Но пока вы там возились, я поняла, что хочу добавки!

— Но... — начал он.

— И не пытайся мне сказать, что у тебя больше нет сил! — прошипела она. — Если уж собираешься жить с нами двумя, то придётся вертеться! А уж про то, чтобы выспаться, можешь заранее забыть!

— Да я не в этом смысле, — улыбнулся он. — Мне просто казалось, что ты жаловалась на усталость.

— Я же тебе сказала — вы там так тихо и интимно возились, что мне даже завидно стало! — пояснила она. — Хочу ещё!

Впрочем, надолго её не хватило. Приходя в себя, она снова забралась на него сверху и затихла, позволив его рукам мять спину.

— М-м, так бы здесь и заснула, — призналась она. — Давай ты никуда не пойдёшь?

Ему, в общем-то, и не хотелось, но он знал, что Панси его точно ждёт — вернувшаяся память подсказывала ему, что она никогда не засыпала, пока он не придёт обратно от Астории.

— Я вернусь, — пообещал он, переворачиваясь на бок и бережно укладывая её рядом..

— Ну хорошо, — сонно причмокнула она. — Только не забудь же! Я буду страдать!

Страдания её начались ещё раньше, чем он успел нежно поцеловать её в нос — почти сразу она заснула, и пока он вытаскивал из-под неё руку и ногу и укутывал одеялом, вела себя как безвольная кукла. Направляясь к Панси, он намеревался лишь пожелать ей спокойной ночи и сразу вернуться к Астории, но она, как оказалось, ждала его вовсе не за тем. Панси уже успела полностью раздеться и даже принять душ, и когда он вернулся и присел рядом, чтобы поцеловать, она сразу откинула в сторону одеяло и изогнулась, как кошка, умудрившись показать себя одновременно со всех сторон. Он подумал, что можно немного полежать рядом с ней, глядя животик, но когда он забрался к ней, он обнаружил, что оказался почему-то на ней сверху в захвате бёдер, и грудь её уже вздымается от судорожного дыхания, а губы, по которым она провела язычком, призывно блестят.

— Главного... не сделали! — прошептала она, притягивая его за талию и направляя в себя.

Оказалось, что слова Астории про то, что следует забыть про полноценный сон, вовсе не были шуткой — Панси за неделю ей же назначенного воздержания успела соскучиться, и почти что накинулась на него со всей страстью, на которую была способна — уже то, что она пару раз укусила его за плечо и даже больно впилась когтями в рёбра, говорило само за себя. В результате программа оказалась достаточно обширной, хоть и не до конца разнообразной — некоторые способы в её положении были откровенно противопоказаны. К счастью, она уgomонилась раньше, чем он сам окончательно выдохся, а то пришлось бы опять глотать жутко невкусное укрепляющее зелье.

Когда ему показалось, что она уснула, он слез и на цыпочках направился на выход.

— Бросаешь? — тихо спросила она, не раскрывая глаз.

Он немедленно вернулся к ней, присел рядом и поцеловал руку, взяв в свои.

— Астория там одна... — пояснил он.

— А так я буду одна, — откликнулась она.

— Ну хорошо, — кивнул он. — Я сейчас вернусь.

— Я не засну, — предупредила она.

Это означало, что если он не вернётся до утра — то она до утра и не заснёт. Если речь не шла о том, насколько он ей не нужен, она обычно предпочитала не преувеличивать. Он дошёл до Астории и залез под одеяло, обнимая. Не просыпаясь, она сразу же обвила его руками в ответ. Он завернул её в одеяло и поднял, всё-таки вырвав из сна. Ещё крепче прижавшись, она скрестила ноги у него за спиной, даже не подумав поинтересоваться, куда он её тащит в середине ночи. Панси немного удивлённо на него посмотрела, но тем не менее сразу вскочила, чтобы придержать занавеску с другой стороны кровати и откинуть в сторону одеяло. Уложив Асторию, он лёг сам, и та сразу же сложила голову у него на плече, сворачиваясь калачиком к нему спиной. Панси внимательно на это смотрела, пытаясь найти какой-то смысл. Ничего не поняв, она палочкой выключила свет, развернулась к нему лицом и обняла руку, зажав кисть между колен. Немного полежала и потянулась к нему губами. Получив в ответ поцелуй, она расслабилась и затихла, а он про себя вздохнул, по-новой осознавая трудности, которые пыталась ему обрисовать Астория — если он захочет повернуться, сделать это с обеими руками, оккупированными его... его девушками, будет весьма непросто.

Проснулся он оттого, что кто-то покусывал ему мочку уха. Да ещё и щекотно при этом дышал. Гардины на окнах были плотно закрыты, но всё равно спальня была освещена, намекая на то, что солнце не просто встало, а и утро уже подходит к концу.

— О, проснулся! — шепнула Астория. — Это ты меня сюда приволок?

— М-м, — ответил он, пытаясь продрать глаза.

Получалось не очень.

— Это мы, что, втроём спали? — спросила она.

— М-м, — подтвердил он.

— Ужас какой! — пролепетала она.

— Да всё нормально, — отмахнулся он.

— А ничего, что я голая? — осведомилась она.

— Это замечательно, — согласился он и потянулся всем телом, заодно проводя рукой ей по спине.

— А Панси? — прошипела она.

— А Панси тоже голая, — ответил он. — Была. Кстати, где она?

— Сам за своей голой Панси и следи! — мстительно заявила она. — А я — в душ! Ко мне чур не врываться! Ты наказан!

— Не буду, — пообещал он. — Пока...

Она вскочила и убежала в ванную, сверкая голыми ягодицами, а он с трудом сел, сместился на край кровати и потряс головой. Спать по-прежнему хотелось до невозможности. Откуда-то снизу слышалась возня и доносились заманчивые запахи еды. Вот, значит, где она! Ну правильно, он же назначил её хозяйкой — вот она и пошла хозяйничать с утра пораньше. Чёрт, уже одиннадцать!

Панси и вправду нашлась на кухне. Она что-то готовила у плиты, а вокруг носился взмыленный Кричер. На кухонном столе рядом высились две стопки — оладий и вафель. Несмотря на шум, она его всё равно услышала и на секунду повернула голову, чтобы удостовериться, что это именно он. Когда он оказался совсем близко, она повела бёдрами, отставляя попку. Два раза просить было не нужно, и он звонко её шлёпнул, а потом прижался сзади и обнял животик.

— Доброе утро! — сказал он, целуя её в щёку рядом с ушком.

Она повернула голову и потянулась губами, даря ему короткий поцелуй.

— Доброе утро, Поттер! — откликнулась она. — Я уже почти закончила. Последняя вафля...

Она выключила плиту и отстранилась, чуть отодвигая его назад.

— Всем доброе утро! — раздался жизнерадостный голос Астории, которая, очутившись на кухне, сразу же направилась к ним. — Привет, Панси! — сказала она, целуя ту в щёку. — Тебе как спалось, хорошо?

— Немного необычно, — ответила Панси.

— В этом я с тобой полностью согласна, — кивнула Астория. — Доброе утро, любимый, — подставила она губы для поцелуя. — Ты никак выспался?

— Конечно! — соврал он. — Свеж, как огурчик!

— Оно и видно, — хмыкнула Астория.

— Завтрак готов, — сообщила Панси, прекращая обмен любезностями. — Тори, ты мне

поможешь накрыть?

— Конечно, дорогая, — отозвалась та, отпуская их обоих из своих жарких объятий. — Ты сама усаживайся, а я всё сделаю!

Он взял Панси за руку и подвёл к обеденному столу. Помог усесться и собрался сам приземлиться рядом, но она покачала головой и показала на другую сторону. Это было правильно — девушек лучше усадить рядом, чтобы не демонстрировать предпочтений, сколь бы надуманными и эфемерными они ни были. Астория, напевая про себя, быстро поставила на стол посуду и приборы, принесла чайник, поднос с нарезанным хлебом, тарелку с колбасками, сырами и паштетами, несколько розеток с разным повидлом и, наконец, блюдо с оладьями и вафлями. В общем-то, немудрящая еда, но у него сразу глаза разбежались и потекли слюнки. Так хорошо он в этом доме уже давно не ел.

— Я поправила рамку к картине, — между делом сообщила Панси, когда Астория уселась рядом с ней и они приступили к завтраку. — Я думаю, новая тебе понравится больше.

— Ты давно проснулась? — поинтересовался он, протянув руку, чтобы сжать её ладонь.

— Два часа назад, — откликнулась она и явно смутилась: — Проспала!

— Не переживай, — пожала плечами Астория. — Всё равно же воскресенье.

— Я предлагаю выбраться куда-нибудь на природу, — предложил он. — Хоть сейчас уже и почти середина дня...

— Я пойду домой, — сообщила Панси как бы между делом. Он удивлённо на неё посмотрел, и поймав этот взгляд, она пояснила: — Иначе опять останусь... Вчера не собиралась...

— Кто-то обещал, что не будет экономить на словах, — напомнил он. — Останься. Пожалуйста!

— Не торопи меня, — попросила она.

Астория с улыбкой слушала их диалог, не вмешиваясь.

— Я за тебя волнуюсь, Тори, — обратилась к ней Панси.

— За меня?! — изумилась та. — С чего бы?

— Я боюсь, что Поттер тебя мучит, — пояснила Панси. — Ты так громко кричишь...

Астория звонко рассмеялась, не дав ей договорить.

— Я не понимаю, — озадаченно произнесла Панси. — Что тут смешного? Что я не так сказала?

— Ой, я не могу! — отмахнулась от неё Астория. — Ну ты разве не понимаешь, что мне хорошо?

— Положим, мне тоже... — насупилась Панси, покраснев, — хорошо. Я же не кричу, будто... отрезают ногу... без наркоза... тупой пилой!

— И напрасно, — заметила Астория и кивнула на него: — Удивляюсь, как Гарри от тебя ещё не сбежал! Ему совсем не по душе, что ты молчишь, когда вы этим занимаетесь!

— Не по душе? — переспросила Панси, тоже к нему повернувшись. — Это так?

— Нет, не так! — замотал он головой. — Мне всё нравится — и блондинки нравятся, и брюнетки, и когда кричат, и когда молчат, и когда... Так, я поел, всё было очень вкусно! Пойду любоваться картиной!

Он сложил на стол салфетку и отодвинул стул.

— Мне нужно знать, — сказала она, покраснев ещё сильнее. — Поясни, пожалуйста!

Он сел обратно и потер пальцами лоб, качая головой.

— Есть вещи, которые ты никогда не говоришь девушке, — произнёс он. — Их долго перечислять...

— Например? — поинтересовалась она.

— Например, что её новая стрижка настолько ужасна, что с ней она более походит на растрёпанную швабру, — пояснил он.

— Я с утра двадцать минут причёсывалась, — заметила она, чуть повернув голову в сторону и слегка дотронувшись до идеально уложенных волос.

Он готов был поклясться, что выглядело это, как минимум, кокетливо.

— И я без ума от твоей причёски, — поспешил заверить он. — Это я к примеру сказал!

— То есть если девушка — растрёпанная неряха, то ты ей в этом не признался бы? — удивилась

она.

— Нет, — покачал он головой. — Я был бы счастлив, что она со мной, и мне не хотелось бы разрушить это счастье обсуждением совершенно для меня незначительного момента.

— Незначительного? — строго спросила Панси. — Причёска — это очень важно!

— Это мелочи по сравнению с тем, что мы были бы вместе, — заспорил он.

— Сегодня мелочь, завтра мелочь, — возразила она. — Тысяча мелочей сложится вместе — и вы расстанетесь!

— Может — когда-нибудь! — воскликнул он. — И то не обязательно. Но если я ей скажу, то наверняка расстанемся сразу!

— Гарри тебе ничего не скажет, Панси, — улыбнулась Астория. — Просто поверь.

— А ты? — спросила она. — Ты-то — не джентльмен и не связана ханжескими соображениями сиюминутной выгоды.

— Я тебе уже сказала, — пожала плечами Астория. — Ни к чему пыhtеть, сцепив зубы. Разумеется, также не обязательно вопить, словно тебе отрезают что-то без наркоза ржавой пилой... Это как разговор, который не клеится, пока ты лишь молчишь в ответ. Хоть шёпотом, но скажи что-нибудь!

— Понятно. Что я ещё делаю не так? — поинтересовалась она.

— Я готова предположить, что ты лежишь, как бревно... — заявила Астория.

Это было чересчур. Девичий разговор зашёл совершенно не туда, куда следовало, и он решил, что далее присутствовать при нём нет никакой возможности.

— Так, я пошёл в гостиную! — воскликнул он, вскакивая. — Вы тут побеседуйте, а у меня дела там!

— Куда?! — воскликнула Астория. — Только самое интересное началось!

— Вот-вот, — буркнул он, выходя их кухни. — Без меня, пожалуйста!

Рамку Панси действительно изготовила замечательную. Она подходила просто идеально, и он сделал то, что хотел сделать ещё вчера — уселся на диван и позволил глазам отдыхать на этом

кусочке чистого концентрированного волшебства, постепенно уносясь в тот день, который, как и все дни, что он провёл с Дафной, он помнил прекрасно. Они сидели и болтали не скамейке в парке, и он тихо млел от счастья, думая, что, наверное, счастливее него человека не сыскать во всём мире... На кухне снова рассмеялась Астория, и он подумал, до чего же её смех похож на смех Дафны... И опять задался вопросом, как так получилось, что он с такой лёгкостью влюбился в младшую сестру после того, как не стало старшей?..

— Гарри! — позвала Астория из прихожей. — Панси уходит!

Он поднялся и направился к ним. Похоже, не все ещё вопросы были выяснены, и красная, как свёкла Астория что-то шептала на ухо внимательно слушающей её Панси, лицо которой было багрового цвета.

— Ты позволишь тебя проводить? — спросил он, взяв Панси за руку.

— Нет, — откликнулась она. — Мы же всё обсудили.

— Нам нужно чаще видеться, — сказал он. — Раз в неделю — это слишком мало.

Она, видимо, ещё была в том разговоре с Асторией, и оттого после его слов снова залилась краской. Он был с ней согласен — этого было мало во всех смыслах.

— Я навещу... тебя... на неделе, — пообещала она. — Не торопи, пожалуйста. Я стараюсь.

Она шагнула вперёд и встала на цыпочки, чтобы его поцеловать, а потом обняла на прощанье Асторию. Закрыв за ней дверь, он замер, думая о своём.

— Дела! — покачала головой Астория.

— В каком смысле? — машинально переспросил он.

Она устало вздохнула.

— Мне нужно кое о чём подумать, — сказала она. — Пожалуйста, не тревожь меня, пока я этим занята!

— Что-то важное? — поинтересовался он.

— Да, очень, — кивнула она.

— Может, в парке подумаешь? — спросил он. — Заодно прогуляемся, свежим воздухом

подышим!

— Нет, в парке ты меня будешь отвлекать, — поджала она губы. — Я пойду наверх, а ты меня внизу жди!

Всё это выглядело очень странно — что именно она хотела обдумать, да ещё и без его участия? Взяв с полки “Порталы и камины” Стокера Свипчимни, он сел на диван, периодически поднимая голову, чтобы полюбоваться сияющей улыбкой любимой. Астория управилась со своими мыслями за пару часов, в течение которых он уже успел осилить полсотни страниц с формулами и диаграммами. Её глаза отчего-то были красными.

— Что случилось? — озабоченно спросил он.

— А, ничего, — отмахнулась она и села на иван, но не рядом, а с другого конца.

Несколько минут, пока он глядел на неё, пытаясь понять, что происходит, она разглядывала вышивание на стене.

— Знаешь, милый, мне кажется, что я переоценила свои силы, — неожиданно произнесла она немного в нос.

Если бы он не сидел, то наверняка бы упал от неожиданности — настолько бредово это прозвучало.

— Я не понимаю, — растерянно развёл он руками. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду наше тихое семейное гнёздышко на троих, — пояснила она. — Я не намерена тебя ни с кем делить. Мне не нравится, что тебя безудержно влечёт к другой, и не нравится находить тебя в её постели.

— А раньше ты о чём думала? — поинтересовался он. — Всё это время?

— Я тебе уже как-то пыталась это сказать, когда ты пьяный тащил меня к Панси, — нахмурилась Астория. — Закончилось всё как всегда.

— Убей Панси, — предложил он, чувствуя, что начинает злиться. — Ведьма ты или нет? Или убей меня, чтобы уж точно никому не достался!

— Не напрашивайся, — покачала она головой. — Сейчас я в таком состоянии, что тебя одной лишь стихийной магией в лепёшку раскатаю!

— Ты сама её вчера пригласила в дом, — напомнил он. — И ещё предупредила меня, чтобы я не был с ней груб.

— Я не просила тебя практически с порога тащить её в постель, даже при этом не спросив, что я по этому поводу думаю! — возразила она.

— А что ты по этому поводу думаешь? — поинтересовался он.

— Я думаю, что мне действительно стоит прекратить этот балаган, — покачала она головой. — Не провожай.

— Астория, — он потянулся к ней, но она отшатнулась, предупреждаясь подняв ладони.

— Попрошу без насилия, — предупредила она. — Не хватало ещё и на такой ноте прекратить...

— Это твой дом, — покачал он головой. — Оставайся здесь, я уйду.

— Конечно, тебя же ждёт Панси, — съязвила она. — Ты и обрадовался!

— Не ждёт, — возразил он. — Да и не стану я...

— Если ты думаешь, что я буду отказываться от твоего дома... — усмехнулась она, — или выяснять, куда ты денешься... Никакой драмы, Гарри! Ты взрослый мальчик и знаешь, что делаешь. Прощай!

Она вскочила, пересекла гостиную и легко взбежала по лестнице. Он не спеша обулся, надел пиджак и плащ и вышел на улицу. Отчего-то ему не было так горько, как вчера. И совсем не оттого, что Астория не была ему дорога и даже не потому, что разрыв с ней не выглядел настоящим. Нет, напротив, он точно знал, что она была абсолютно серьёзна, и что нужна ему, как воздух... Похоже, подсознание самостоятельно решило за него, что переживаний достаточно, и из ещё одной затяжной депрессии живым ему не выбраться.

Однако воскресенье, которое он рассчитывал провести если не в компании обеих девушек, то хотя бы вместе с Асторией, оказалось безвозвратно испорчено. Как бы в подтверждение тому неожиданно налетел порывистый ветер, и ещё до того, как он достиг Министерства, он до нитки промок, погребённый традиционной лондонской моросью вперемешку с дождём и ветром, который ухитрялся дуть одновременно во всех направлениях. В результате, оказавшись у себя в кабинете, он потратил десяток минут на то, чтобы согреться и хорошенько просушить одежду. Взял метлу и нырнул в камин. В Эдинбурге его знали, и особого удивления своим появлением он не вызвал. Вышел наружу и взлетел, направляясь на северо-восток. Погода словно решила его доконать, добавив драматизма к его невзгодам, поскольку над Северным Морем он попал в настоящий шторм, пытавшийся бросить его о высокие серые волны, к которым он сам был вынужден прижиматься из-за низко стелющихся облаков. Конечно же, он

снова промок до нитки и продрог, несмотря даже на струи горячего воздуха, которыми обдувал себя почти непрерывно.

В Азкабанае он уже бывал, но особо не пытался вникнуть в быт — молодого аврора лишь провели с экскурсией, рассказывая, какие ужасные злодеи были здесь заключены в прошлом. В общем, то, что он и так знал — точнее, должен был знать — из школьной программы, исключая разве что номера камер именитых злодеев. На внутреннем дворе, по которому во времена оные курсировали дементоры, трава не росла до сих пор — настолько земля была отравлена их присутствием. Защитные чары сработали исправно, и ему навстречу выбежала пара волшебников, предупреждаясь поднимая палочки — но немного в другую сторону, поскольку из-за бури разглядеть нежданного гостя вовремя они не смогли.

— Мистер Поттер! — кивнул ему Дик Лонгсоседж, моментально узнав в мокром дрожащем от холода оборванце своего начальника. — А мы тебя уже жаждались!

— Жаждались? — недоумённо спросил он.

— Не думал я, что ты так долго выдержишь в Лондоне, — пояснил Дик, приглашая его идти за собой. — Там же скука смертная!

— А здесь не скука? — поинтересовался он, продолжая попытки согреть себя тёплым воздухом из палочки.

— О, нет, здесь мы делом занимаемся, — серьёзно ответил Дик. — Смогли опознать уже четверых...

— А тех?... — спросил он. — Тех двоих опознали?

— Нет, пока они ещё не в состоянии даже кивнуть головой в ответ, — откликнулся Дик. — Лекари над этим работают...

— Так ослабели? — ужаснулся он.

— Да нет, это мы уже преодолели, — поморщился Дик. — У всех заключённых поголовно та или иная степень помешательства. Даже стены пропитались злобой этих монстров...

Он привёл его в небольшую комнату, где на стуле лежала свежая сухая одежда.

— Так, ты переодевайся, а потом пойдём проведём нашу парочку, — сказал Дик и вышел.

Как ни странно, помимо слабого, но ни на секунду не отпускающего, так знакомого ему гнетущего ощущения безысходной тоски, Азкабан не производил мрачного впечатления. В

коридорах было сухо и светло, а пара пустых камер, в которые они заглянули, буквально сияла чистотой. Он обратил внимание на новые кровати с бельём и отгороженные в углу кабинки туалетов с раковинами и нормальными унитазами.

— Как видишь, работы продвигаются очень быстро, — пояснил Дик, показывая ему всё это. — Когда я здесь только появился, мхом были покрыты даже стены в квартирах авроров. Мы обновили защитные чары...

Они обновили чары, предназначенные защищать замок от непогоды. Артефакт, предназначенный поддерживать температуру стен замка на уровне двадцати градусов, утратил свою силу ещё в середине девятнадцатого века. Оказалось, что знание о том, как сделать такой же, давно утрачено, но местный эдинбургский умелец смог примерно понять, как он работает, и устройство удалось зарядить по-новой. Умелец утверждал, что ещё лет на триста заряда должно хватить. В крепости завели пару домовых, которые очень быстро навели чистоту. Стены также были очищены, а затем пропитаны особым зельем, которое не только очищало воздух, убивая микробов, но и многократно усиливало падающий на стены свет. Предложенные Гарри предметы мебели и обихода заказали, не дожидаясь решения Визенгамота. Сток от предназначенных для испражнений дыр в полу, который ранее был просто выведен на стены, создавая неповторимый антураж из запаха, цвета и аппетитных луж на земле, теперь был заключён в трубы и отводился в отдельный бак, в котором содержимое преобразовывалось в обычный торф.

— Эти двое, как увидели друг друга, так не расцепились ни на секунду, — пояснил Дик, открывая дверь камеры, и усмехнулся. — По-моему, они даже в туалет вместе ходят. Ты не смотри, что они так хорошо выглядят — раньше они были похожи на двух покойников...

В камере на кровати сидели мужчина и женщина... По крайней мере, хотя бы это можно было определить совершенно точно. Он не понял, что Дик имел в виду, говоря, что они раньше выглядели, как покойники — по его мнению, в гроб кладут краше. Мертвенно-бледные лица, исхудавшие до такой степени, что больше походили на обтянутый тонкой латексной плёнкой череп... Такие же измождённые кисти рук, выглядывающие из-под одежды... Одежда была явно новой и вполне добротной — уж точно на порядок лучше, чем даже новенькая форма лондонских бобби. Мужчина был высок и широкоплеч, вот только от когда-то покрывавших его торс и плечи мышц ничего не осталось. Женщина в сравнении с ним даже казалась миниатюрной.

Даже несмотря на ужасное состояние, одно взгляда на неё хватило, чтобы узнать. Он повернулся к Дику и кивнул:

— Это они!

— Хорошо, — откликнулся Дик. — Тогда я сейчас же распоряжусь порталом отправить аврора в Лондон.

Аврор должен был предупредить дежурных, чтобы помогли встретить, и вызвать лекаря из

Мунго, чтобы определить, каким способом лучше транспортировать больных. Гарри подошёл к жмущимся друг к другу заключённым и присел перед ними на корточки.

— Миссис Паркинсон, — позвал он, осторожно трогая женщину за кисть. — Миссис Паркинсон, это вы?

Она испуганно отдернула руку и с ужасом поглядела на спутника, который, хотелось ему верить, был её супругом. Глупо, конечно, было надеяться, что одним лишь словом ему удастся вывести этих людей из состояния, из которого их пытаются вытащить профессиональные целители на протяжении нескольких дней. Даже чудеса от Чудо-Мальчика имеют свой предел.

В камеру зашли ещё несколько авроров, с частью которых — мужчиной лет тридцати пяти и двумя девушками из Эдинбурга — он не был знаком. Пока Дик представлял присутствующих, авроры аккуратно пересадили пару в двойное кресло для транспортировки и закрепили широкими ремнями, чтобы те не выпали. Потом старший из целителей поднял кресло Левиосой и понёс на выход.

— Ты давай первым в портал, — объяснял Дик. — На той стороне их и примешь. Пичун Янгстер уже должен позвать помощь, но и ты не зевай! Давай, до встречи!

— Спасибо, Дик, — сказал он.

— Да брось ты, — отмахнулся тот. — Мирное же время, а тут люди гибнут!

Гарри взялся за порталный ключ, по какому-то дурацкому совпадению сделанный из ночного горшка, и сразу же его затянуло в воронку портала, закружило, протащило по извилистому порталному переходу и выплюнуло с той стороны. По инерции сделав пару шагов, он огляделся. В приёмной аврората было пусто. В общем-то, объяснимо, — всё-таки воскресенье, восемь вечера, — но где же обещанная помощь? Рядом открылся портал, и он шагнул к нему — раз уж Дик посоветовал не зевать. Оттуда вывалилась знакомая пара — но без кресла! Похоже, кресло просто осталось с той стороны, а они оба как сидели, так и выскочили из портала с этой стороны. Он успел поймать оказавшуюся совершенно невесомой женщину, крепко прижал к себе и одним движением смог Левиосой перехватить мужчину, почти уже коснувшегося пола. И как раз в этот момент в приёмную ворвалась обещанная помощь, ведомая пятидесятилетним аврором по имени Пичун Янгстер.

— О, как вы вовремя зашли! — обрадовался Гарри. — Пожалуйста, больных в кресло, и можно транспортировать в Мунго.

Собственно, это и было основным препятствием к тому, чтобы использовать портал — подобный способ всегда требовал от путешественника определённой ловкости не только в пункте назначения, куда его обычно выбрасывало с некоей инерцией, а иногда даже и с достаточной высоты, но также и в полёте, где могло безбожно крутить, а иногда даже и ударять о внезапно ставшие твёрдыми стенки дыры в пространстве. К счастью, на этот раз обошлось, да и он сам не сплоховал. Он бережно сгрузил женщину к её спутнику, которого уже

усадили в кресло, и они сразу же опять вцепились друг в друга.

Примчавшаяся на вызов пожилая целительница провела быстрый осмотр и повернулась к нему.

— Ну, мистер Поттер, и из какой дыры вы вытащили этих несчастных? — требовательно спросила она.

— Я завтра приду их навестить, — сообщил он.

— Как раз это я вам и хотела предложить! — грозным тоном заявила целительница. — Но вы так и не ответили на мой вопрос!

— Тогда до завтра, — улыбнулся ей Гарри и отправился к себе в кабинет.

Ещё в те времена, когда он прятался на работе от первой жены, — точнее, от регулярно “гостившей” у него дома её родительницы, — он устроил себе в кабинете потайную кровать. С секретом, то есть. Кровать была спрятана между второй и третьей половицей в дальнем углу комнаты и появлялась только по желанию владельца — нужно было поместить настольную лампу в угол стола и палочкой вычертить зигзаг в среднем ящике. Прелесть решения заключалась в том, что каждый раз при вызове постель оказывалась чистой и аккуратно застеленной — как, собственно, и обещало руководство в подаренной Шаклболтом книге по волшебству “Маг — тысяча и одна мелочь”.

Утром он проснулся рано, чтобы успеть привести себя в порядок до того, как начнут приходить на работу сотрудники аврората. В принципе, по части бытовых удобств жизнь умелого волшебника проста — помятую одежду можно починить или почистить палочкой и выгладить ладонями. Если уж совсем пришла в негодность — трансфигурировать себе новую. То же самое с обувью. Конечно, существует ещё и особая волшебная одежда с уникальными свойствами, — как, например, его мантия-невидимка, — и такая одежда предполагает ручное изготовление, но вот нормальные повседневные брюки, пиджаки и рубашки можно было изготавливать самостоятельно по мере необходимости, а дальше роль уже играла степень владения превращением и внимательность волшебника к деталям. Может, поэтому его первый тесть постоянно ходил в грубых штанах со штанинами разной длины — ему просто было не до того, когда он их делал.

Ещё на прошлой неделе на понедельник были назначены практические занятия по защите от Тёмных искусств — а попросту занятия боевой магией под руководством самых опытных наставников. В этом деле на него традиционно возлагали большие надежды, считая, что уж у такого матёрого бойца, который дважды сумел упокоить самого Сами-знаете-кого, должна быть и сноровка, и умение. Приходилось терпеть и идти инструктором к самым опытным аврорам, поучиться у которых он сам счёл бы за счастье и большую честь. Впрочем, в ходе этих “тренировок” у него не раз возникало ощущение, что всё это придумано лишь чтобы исподволь отыграться на молодом выскочке за карьерное везение.

Во второй половине дня он наконец освободился и смог сбежать в Мунго... Дико, конечно, звучит — обычно пытаются сбежать оттуда... Ничего нового этот поход не принёс — целительница сказала, что новое лечение принесёт результаты лишь завтра, а сегодня назойливым посетителям лучше не тревожить больных понапрасну. Это было не страшно, хоть у него и было своё мнение по поводу того, что лучше для людей, восемь лет проводших без человеческого общения. Уже то, что эта пара, которая с большой вероятностью приходится родителями матери его будущего ребёнка, оказалась далеко от мрачных стен исправительного учреждения Азкабан, доставляло ему радость.

Выйдя из больницы, он пешком отправился в Министерство, стараясь думать только о хорошем, и ноги опять вывели его совсем в другое место. Осмотревшись по сторонам, он пожал плечами и нажал кнопку звонка.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/74095/2051774>